

С. И. РУДЕНКО

ДРЕВНЕЙШАЯ «СКИФСКАЯ» ТАТУИРОВКА

Раскопки, произведенные Институтом истории материальной культуры им. Марра Академии Наук СССР в 1947—1948 гг. в Горном Алтае, существенно расширили наше представление о быте населения в те отдаленные времена, когда в степях Евразии процветала скифская культура. Несмотря на то, что раскапывались курганы, заведомо ограбленные, они с такой полнотой освещают эту культуру, как ни один из ранее раскопанных курганов этого времени. Благодаря раскопкам Пазырыкской группы курганов теперь нам известны не только образ жизни и занятия населения, не только виды, но и породы разводившихся в то время домашних животных, виды промысловых животных, пищевые продукты, предметы домашнего обихода и утварь, одежда и украшения, в деталях — техника обработки растительных и главным образом животных материалов, красильное дело, гончарство и обработка металлов, способы и средства передвижения, вооружение, музыкальные инструменты и изобразительное искусство, общественный строй и международные сношения, идеология и вытекающие из нее обряды. О результатах этих раскопок в известной мере можно судить по предварительному сообщению о работах, проведенных в 1947 г.¹ Не менее плодотворными оказались работы и 1948 г. Самым же замечательным открытием 1948 г. была обнаруженная на теле погребенного вождя татуировка.

Этот племенной вождь погиб в бою. Его череп пробит в трех местах боевым чеканом. По скифскому обычаю, враги сняли с него скальп. Соплеменники, его похоронившие, опять же по скифскому обычаю, набальзамировали его тело и вместе с ним погребли его жену или наложницу, также набальзамированную. Татуированными у вождя оказались грудь и спина, обе руки и голени.

О татуировке скифских племен прямых исторических указаний нет. По сообщению Гиппократ², «вся масса скифов, сколько ни есть их кочевников, прижигают себе плечи, руки и кисти рук, груди, бедра и чресла, но не для чего иного, как объясняет знаменитый врач, как из-за слабости и вялости, чтобы быть энергичнее». О дарских скифах Геродот писал³, что они «делают себе на руках порезы» в знак печали при похоронных обрядах, вместе с отрезанием частей уха и прокалыванием левой руки стрелой. О наличии татуировки у соседей скифов — агафиров — сообщают позднейшие авторы. Так, Помпоний Мела⁴ пишет, что они «разрисовывают лица и тела... одними и теми же рисунками и так, что смыть их невозможно», а Аммиан Марцелин⁵ добавляет, что пле-

¹ С. И. Руденко, Второй Пазырыкский курган, изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1948.

² Hippocrates, De aer..., 26.

³ Геродот, История, IV, 71.

⁴ Pomponius Mela, De chorografia, кн. II, 10.

⁵ Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt, кн. 31, 11.

мя это раскрашивало все тело голубым узором. По словам Плиния, «даки и сарматы мужчины расписывали себе тело»⁶.

Тем больший интерес представляет татуировка, открытая на Алтае в погребении, относящемся к V—IV вв. до н. э. (рис. 1а, б). Татуировка эта могла быть выполнена путем прошивания или уколов с введением

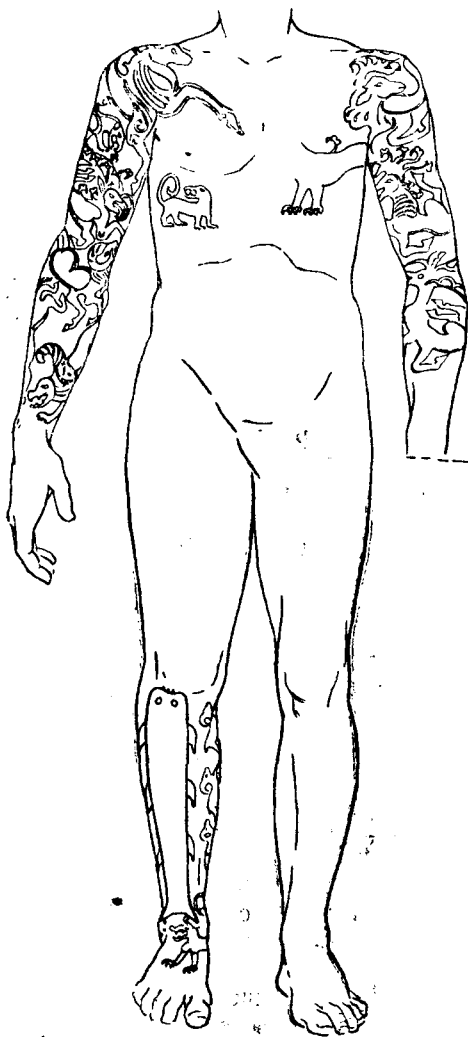

Рис. 1а

глубоко под кожу черного красящего вещества, по всей вероятности, сажи. Прием накалывания более вероятен, чем прошивание, хотя племена Алтая в это время имели тончайшие иглы и нитки и с успехом могли пользоваться последним приемом. Исключительно тонкие беличьи и собоьи шкурки — одежда из того кургана, что и татуированное тело, — с нижней стороны прошиты декоративными рядами сплошных швов, выполненных сухожильными нитками* такими мелкими стежками, что на один сантиметр их приходилось 16—18. При этом стежками захвачен только самый поверхностный слой кожи, нигде они не проходят наружную сторону, покрытую волосом. Значительная глубина проникновения краски в тело позволяет думать, что татуировка все же была выполнена путем наколов. Несомненно также, что татуировка производилась задолго до смерти этого престарелого вождя, возможно, еще в молодости. Дело в том, что это был субъект тучный, с сильно развитой подкожной жировой клетчаткой. Обильный слой жира, непосредственно залегающий под кожей, не был окрашен, между тем мышцы под ним, на участках непосредственно под татуировкой были интенсивно окрашены в черный цвет. Во время татуировки вождь, если и не был худ

то вряд ли был так тучен, как перед смертью.

При жизни человека татуировка, выполненная сажей, как и всегда, имела на белой коже голубой цвет, а на смуглой — темносиний. В момент открытия тела она была почти черного цвета на коричневом фоне кожи.

Плохо сохранилась татуировка на груди, особенно в левой ее части в области сердца. Здесь кожа и мышечная ткань были разрушены. Тем не менее ясно, что как раз над сердцем была изображена передняя часть туловища, точнее голова, основной фигуры во всей татуировке — фантастического зверя или львиного грифона. Его туловище проходило под левой рукой, а над левой лопаткой была изображена задняя поло

⁶ Plinius Secundus, *Naturalis historia*, кн. 22.

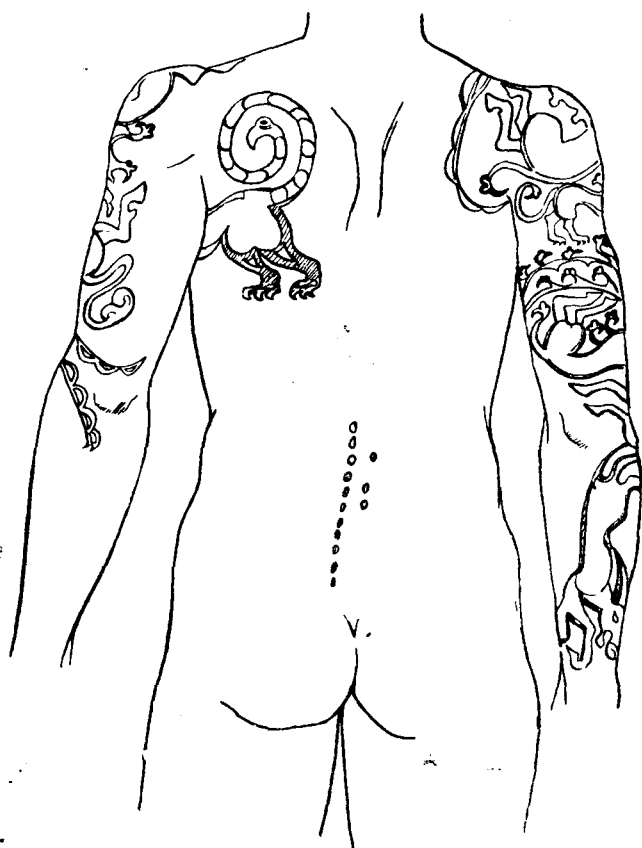

Рис. 16

Рис 2

вина зверя с длинным приподнятым кверху и спирально завившим хвостом с птичьей головкой на конце. Хотя передняя часть зверя с головой не сохранилась и передние лапы с трудом различимы (рис. 1), о голове мы можем составить представление по аналогичным изображениям на правой руке (рис. 5 и 8) или на правой ноге внизу (рис. 14).

В изображении этого зверя особого внимания заслуживают оформление когтистых задних лап, хвост, заканчивающийся птичьей головкой и птичья же головка у основания шеи. Вся вообще фигура стилизована передана в условной манере, особенно задние лапы. Подчеркнуты острые когти зверя, особым завитком намечены пятки, треугольные прорезы подчеркнута мускулатура лап. Эта манера изображения типична с острыми, резко выступающими когтями, как увидим, свойственна всем изображениям хищников в татуировке. Замечательно, что в совершенно такой же манере выполнены когтистые лапы хищников в известных скифо-сибирских пластинах коллекции Петра I, хранящейся в Государственном Эрмитаже, например, изображения борьбы хищника с змеем, рогатого хищника и тигра и др.⁸

Особый интерес представляет изображение головки птицы на конце хвоста. Змеиная или птичья головка на конце хвоста известны в изображениях фантастических чудовищ в Передней Азии, по крайней мере 2000 лет до н. э. Из Двуречья этот элемент вместе с другими художественными мотивами проник к хеттам; мы находим его в скульптуре и барельефах древних хеттских городов⁹ уже в XIV в. до н. э. В западной причерноморской Скифии этот мотив хотя и известен, но только единичных находках. В Горном Алтае он получил широкое распространение в половине первого тысячелетия до н. э. Птичьей головкой заканчиваются хвосты фантастических зверей на известных деревянных бляхах из Катандинского кургана, раскопанного Радловым в 1865 г. То же мы имеем на конце хвоста крылатого львиного грифона, на одной из медных покрывал из первого Пазырыкского кургана, на конце хвоста хищных, нередко фантастических животных, изображенных в золотых пластинках скифо-сибирской коллекции Петра I¹⁰. Следует, впрочем, отметить бросающуюся в глаза, далеко зашедшую условность в изображении птичьих голов на конце хвоста животных в алтайских находках, что указывает на сравнительно поздний этап в воспроизведении этого мотива.

Птичья головка на тонкой шее изображена и у основания шеи рассматриваемого зверя. Поскольку этот зверь сохранился не полностью, трудно сказать, имелось ли только одно изображение этой головки, как это мы видим на рисунке фантастического зверя татуировки правой руки (рис. 8), или таких головок было несколько, как это видно на изображении фантастического же зверя в татуировке ноги (рис. 15). Впрочем, местоположение головки птицы на рис. 1, у основания шеи фантастического зверя, скорее говорит о том, что она была одна. Подобную же одиночную головку мы имеем и на изображении тигра в одной из сложных композиций борьбы зверей в большой золотой пластине из коллекции Петра I¹¹. Вторая малая фигурка зверя, изображенная на правой стороне груди (рис. 2), также плохо сохранилась, но в ней хорошо различимы поза зверя, его приподнятый кверху, изогнутый кольчатый хвост, зубастая повернутая назад голова.

Особенно хорошо, за исключением части на плече, сохранилась татуировка правой руки, покрывающая ее полностью, начиная от плеча

⁷ Рисунки татуировки разобраны и скопированы с оригиналов В. М. Сунцевым и Н. М. Руденко.

⁸ См. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности, вып. 3, 1890, рис. 56, 60, 61, 64.

⁹ E. Pottier, L'art Hittite, 1926.

¹⁰ И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 59, 61, 64, 74.

¹¹ Там же, рис. 64.

до кисти. В развернутом виде эта татуировка дана на рис. 3. Внизу — изображение кулана или осла с вывернутым задом; на одном с ним уровне — изображение фантастического крылатого зверя, выше — горного козла с вывернутым задом, затем в той же позе — оленя с птичьим клювом на конце морды, опять клыкастого хищника и, наконец, на плече — оленя с вывернутым задом.

Рис. 3

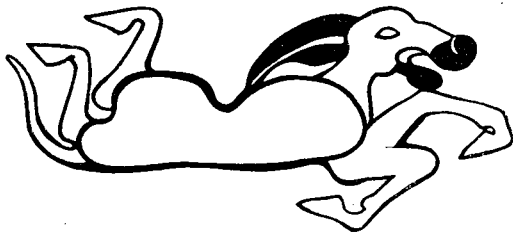

Рис. 4

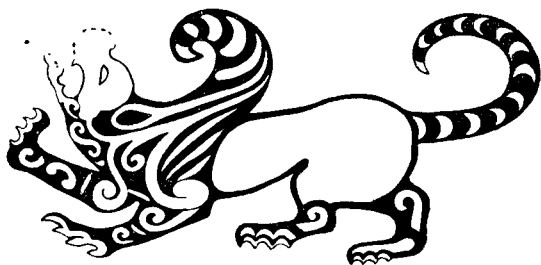

Рис. 5

Прежде всего следует подчеркнуть излюбленный в эту эпоху на Алтае прием изображения пораженных животных с вывернутым задом. Это, как правило, копытные животные, редко хищники. Вывернутая вверх задняя половина тела — очень древняя шумерская манера изображения. Ее мы знаем и в архаических греческих геммах¹², но, как и в Передней Азии, подобные изображения встречаются крайне редко; на Алтае же это один из самых излюбленных мотивов. Его мы встречаем прежде всего в сценах нападения хищников на копытных животных на седельных покрывках из первого и второго Пазырыкских курганов, в отдельных изображениях зайцев и горных баранов из кургана третьего, волков из кургана четвертого. Тот же прием изображения жертвы с вывернутым задом мы имеем в золотых скифо-сибирских украшениях коллекций Петра I там, где орел держит в лапах горного козла¹³ или рогатый и крылатый хищник напал на лошадь¹⁴ или, наконец, барс терзает лося¹⁵.

Осел (рис. 4) изображен с подогнутыми передними ногами и выкину-

¹² А. Fürtwängler, Die Antiken Gemmes, 1900, табл. III, рис. 38 и 39; табл. VIII, рис. 70.

¹³ И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 43.

¹⁴ Там же, рис. 62.

¹⁵ Там же, рис. 72.

тыми задними. Изображение — схематическое, и род животного выявляется только формами копыт, длинными ушами и формой хвоста.

Крайне интересно противопоставленное ему изображение фантастического крылатого хищника (рис. 5). Голова с раскрытой зубастой пастью и вздернутым кверху кончиком носа, прием, кстати сказать, часто встречающийся в изображении фантастических животных в золотых пластинках коллекции Петра I¹⁶. Тело типично кошачье, с кошачьим приподнятым кверху кольчатый хвостом. Мускулатура когтистых лап, особенно задних, передана чисто орнаментальными завитками. Своеобразно оформлены крылья с загнутыми вперед концами так, как в медных крытых

Рис. 6

Рис. 7

золотом подвесках, изображениях рогатого львиного грифона из второго Пазырыкского кургана или как на различных скифо-сибирских золотых пластинках¹⁷, но там они выполнены по резной модели и более реалистично, здесь графично и в такой мере орнаментально, что отдельные их элементы непосредственно переходят в изображение груди с шеей и ушами и даже ног.

Замечательно по своей декоративности изображение горного козла (рис. 6). Все внимание оператором-артистом, наносившим татуировку, было обращено, как и в других изображениях копытных, на переднюю часть туловища, на голову, грудь и передние ноги. Остальное тело животного представлено элементарной графической схемой. Просто, но с поразительным мастерством передана типично козлиная голова с круто загнутыми, кольчатыми большими рогами. Густая и длинная, идущая от подбородка до груди борода свисает ключьями. Особыми завитками подчеркнута мускулатура ног. В коллекции скифо-сибирского золота так изображенных горных козлов мы не знаем, но среди седельных и уздечных украшений из данной Пазырыкской группы курганов их не мало как в сценах нападения на козлов хищников, так и в отдельных их воспроизведениях.

Еще выразительнее и, пожалуй, декоративнее изображение расположенного выше оленя (рис. 7). Помимо вывернутого зада, здесь налицо еще несколько условных приемов в изображении. Не в меру длинный для оленя хвост с птичьей головкой на конце, ветвистые рога и «грива»

¹⁶ И. Толстой и Н. Кондаков, рис. 56, 57, 61, 64, 74.

¹⁷ Там же, рис. 59, 62, 64, 65.

увенчаны сериями птичьих головок, наконец, морда, оканчивающаяся орлиным клювом. Птичьи головки на конце хвоста, на отростках рогов и на загривке выполнены схематично так же, как и на рис. 1. Они представлены клювом, глазом и ухом. Более детальная проработка этого мотива в татуировке была очевидно затруднительна. Этот своеобразный прием оформления отростков рогов оленя в виде птичьих головок известен и у западных причерноморских скифов. Его мы знаем на золотой пластине из Акмечетского кургана в Крыму и из кургана у с. Аксютинцы Киевской обл. На пластине из Аксютинец — головы явно ушастого орлиного грифона с гребнем. На акмечетской пластине грифоньи головы много схематичнее и приближаются к нашим горноалтайским. Петушинные головки на отростках оленьих рогов мы знаем из того же второго Пазырыкского кургана, в котором был похоронен татуированный вождь. Птичьи головки имеются на отростках рогов фантастического зверя деревянной пластины из Катандинского кургана, особенно же их много на золотых пластинах коллекции Петра I¹⁸.

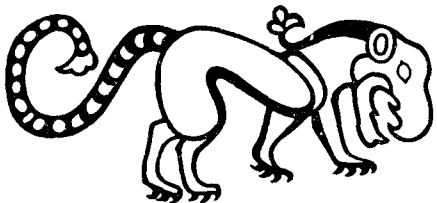

Рис. 8

На некоторых из упомянутых пластин птичьи головки посажены не только на отростки рогов, но, как и на олене, посажены в ряд на загривке. На золотых пластинах в одних случаях грифоньи головки более или менее тщательно проработаны, в других — схематичны и приближаются к изображениям головок татуировки. Изображение оленьей или лосиной головы с орлиным клювом также известно в скифо-сибирских золотых пластинах. Особенно четко это можно видеть в изображении лосиной головы на круглой золотой бляхе¹⁹ или на изображении фантастического зверя в одной из пластин²⁰. Грудь и передние ноги оленя украшены различными завитками в том же стиле, как и передние ноги горного козла (рис. 6).

Хищник (рис. 8) явно кошачьей породы, о котором уже упоминалось, с большой головой, разинутой зубастой пастью, причем верхняя челюсть оформлена, как птичий клюв. Небольшие уши. Стоит на четырех когтистых лапах. Хвост кольчатый с «птичьей головкой» на конце, причем головка эта оформлена иначе, чем большинство остальных подобных, и похожа на головку птицы на конце хвоста большого зверя (рис. 2). Птичья головка обычного типа у основания шеи. Изображение тела схематичное.

Выше всего на плече расположено крупное изображение оленя с не вполне распознаваемой головкой (рис. 9). Вследствие особого положения этого изображения, покрывающего плечо сверху и с боков, оно местами условно и орнаментально. Передние ноги выкинуты вперед, зад с коротенькими ножками вывернут; у основания шеи и на конце хвоста — птичьи головки; один рог с рядом птичьих головок, другой передан условно непрерывным рядом сегментов. Особое внимание оператором-артистом было обращено на разделку груди оленя сериями взаимно связанных систем завитков, объединенных в общую графическую схему.

Татуировка на левой руке сохранилась хуже и, поскольку пока удалось установить, состояла из трех самостоятельных изображений (рис. 10), которые представляют собой фигуры двух оленей и одного горного козла, с подогнутыми на прыжке передними ногами, вывернутым задом и приподнятыми вверх задними ногами. Самое интересное и луч-

¹⁸ И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 56, 57, 61, 64, 74.

¹⁹ Там же, рис. 72.

²⁰ Там же, рис. 59.

Рис. 9

Рис. 11

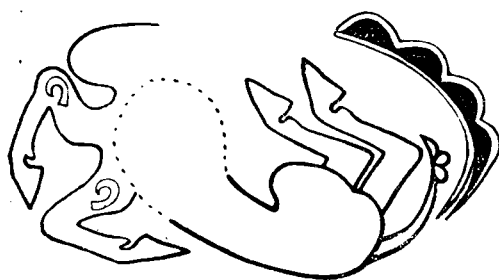

Рис. 12

Рис. 10

Рис. 13

ше других сохранившееся — среднее изображение оленя (рис. 11). Его морда, как и на рис. 6, заканчивается орлиным клювом. На отростках ветвистых рогов птичьей головки. Частично рога намечены серией сегментов, в той же условной манере их воспроизведения, которая в виде схемы уже отмечена нами на предыдущем изображении (рис. 9) и повторена на ниже расположенном (рис. 12). Три птичьих головки изображены и вдоль шеи. Хвост длинный, явно кошачий, как и в ранее рассмотренных изображениях; волнистыми и спиральными линиями разделана грудь. Здесь, как и в изображении другого оленя (рис. 7), нарочито смешаны признаки оленя, орла и хищника кошачьей породы. У оленя, изображенного ниже на той же левой руке (рис. 12), хвост оканчивается головкой птицы. Как и на правой руке, плечевая фигура — самая крупная. Она изображает горного барана или козла (рис. 13). Сохранилась она плохо, но ясно различим глаз, большие кольчатые рога и густая борода. Борода, как и грудь, разделаны в принятых и излюбленных артистом волнистых линиях и завитках, что придает особую декоративность этому (как и представленному на рис. 9) изображению.

Хорошо разобрана татуировка на правой ноге. Левая нога была сильно порублена грабителями, и уцелевшие участки татуировки ее еще надлежащим образом не изучены. Основное изображение на правой стороне голени от коленной чашечки до щиколотки — рыбы (рис. 14). У рыбы кружками намечены глаза, затем жаберные щели, хвостовый раздвоенный плавник и три пары плавников боковых. Судя по общему очертанию тела и головы, по форме хвостового плавника, а главное — по наличию трех усиков у рта (одного на подбородке посередине и двух у передних носовых отверстий), надо полагать, что мы имеем дело с изображением налима. Следует отметить, что такая же манера изображения рыбы, а именно налима, известна на крышке одного из сидел первого Пазырыкского кургана там, где рыба схватила голову барана, и в седельных подвесках того же кургана. Там эти изображения еще более условны. Ниже рыбы, на стопе, от верхней ее поверхности под внутренним мыщелком и сзади над пяткой имеется еще одно изображение фантастического рогатого, с кошачьим хвостом зверя (рис. 15). Кончик носа загнут кверху более отчетливо по сравнению со зверем на рис. 4 и так, как на упомянутых выше золотых пластинках коллекции Петра I. Зубастая и клыкастая пасть разинута, на конце рога шарик, лапы с мощными когтями, хвост кольчатый приподнят кверху и спиралевидно изогнут, на шее у ее основания три птичьих головки.

Обращают на себя внимание шарики, как бы вылетающие из рта только что описанного зверя. Полагаю, что эти кружки татуировки не имеют непосредственного отношения к изображению зверя. Подобные кружки — одним длинным и другим коротким рядами — татуированы на спине вождя, по обеим сторонам позвоночника до поясницы. Они, как и те, что находятся на спине, служили, вероятно, медицинским целям как утешающие местные боли того или иного происхождения. Такое назначение подобной татуировки хорошо известно этнографам.

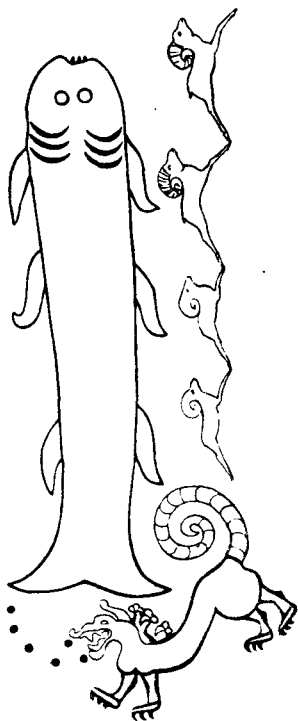

Рис. 14

С внутренней стороны ноги вдоль голени, параллельно изображению рыбы, изображены в ряд четыре мчащихся горных козла с вытянутыми вперед и назад ногами (рис. 14). Фигуры этих козлов ногами касаются друг друга и представляют собой одну динамическую композицию. При схематическом изображении фигуры эти достаточно реалистичны, и никакой условности, наблюдающейся во всех других изображениях, в них нет. Простыми графическими контурами мастерски передано и строение

Рис 15

животных, и стремительность их бега. У двух передних животных рога кольчатые, у задних переданы общим контуром.

Выше этой группы имеется еще одно недостаточно выясненное изображение полусидячего рогатого и крылатого зверя с длинным хвостом, заканчивающимся птичьей головкой.

Таковы мотивы татуировки и художественное их оформление. Каково же было назначение этой татуировки?

В интересующее нас время татуировка у различных народов имела многообразное назначение. По сообщению Геродота, у фракийян «порезы на коже означали благородное происхождение; не имеющий их не благороден»²¹. По свидетельству Помпония Мелы, агафирсы «разрисовывали свои лица и тела более или менее, смотря по степени благородства»²². Позднее этот обычай отмечен и у динлинов и у наследовавших им киргизов, у которых татуировка была привилегией храбрейших. В древности раба носила на теле выполненное татуировкой имя своего хозяина. Более того, Геродот рассказывает, что во времена Дария Гистаспа татуировкой пользовались для конспиративной переписки. К Аристагору — тирану Милета — «из Суз от Гистияэ пришел раб с исписанной головой, указуя на то, что Аристагору следует восстать на царя. Желая дать знать это Аристагору, Гистияэ, вследствие того, что дороги охранялись стражей, мог сделать это безопасно только следующим образом: вернейшему из рабов он сбрил волосы на голове и исписал его уколами, потом дал волосам отрасти. Как скоро волосы выросли, он отослал раба в Милет с единственным поручением: по прибытии на место предложить Аристагору обрить его и осмотреть голову, а уколы на голове приглашали, как сказано, к возмущению»²³.

Таким образом, татуировка алтайского вождя, вероятнее всего, означала его знатное происхождение или его мужество, или и то и другое вместе. С другой стороны, не случайно изображение на груди в области сердца львиной или грифоновой головы, основной фигуры во всей татуировке. Это изображение, как и все остальные изображения фантастических зверей, могло иметь апотропическое назначение. Однако наряду с этими изображениями наличие в татуировке ряда бегущих горных козлов как бы указывает на то, что на данном этапе развития горноалтайского общества татуировке придавалось и чисто декоративное назначение.

Каково бы ни было назначение рассмотренной татуировки вождя, исключительный интерес представляет сюжетная и в мельчайших деталях стилистическая общность ее со значительной серией скифо-сибир

²¹ Геродот, История, III, 6.

²² Р. Мелы, Указ. раб., кн. II, 10.

²³ Геродот, История, V, 35.

ских золотых вещей коллекции Петра I. Напомним происхождение последней. Петром вследствие донесения сибирского губернатора кн. Черкасского о золоте, находимом в могилах, был в 1721 г. издан указ: «Курiosные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою, и, не переплавлявая, присылать в Берг и Мануфактур коллегию». В 1726 г. Берг и Мануфактур коллегия передала в кунсткамеру до 250 предметов, весивших около 30 кг, но уже в 1742 г. об этих вещах было известно только, что они из могил между Уралом и Алтаем. Коллекция эта неоднородна, в ней есть вещи и более ранние, и сравнительно поздние, из Западной и Центральной Сибири. Большинство все же относится к скифскому времени, начиная с VII и кончая I веком до н. э., и происходит, повидимому, из Горно-Алтайской области.

Аналогии между предметами коллекции Петра I и находимыми до последнего времени при раскопках на Алтае не были достаточными для установления единства их происхождения. После раскопок курганов Пазырыкской группы можно с полной уверенностью утверждать, что значительная часть эрмитажного собрания скифо-сибирского золота происходит из богатых погребений Горного Алтая. Что это так, ясно уже из одного сопоставления мотивов татуировки вождя с мотивами и стилем многих изображений на сибирских золотых пластинах. Листовое золото, в большом количестве находимое во всех курганах Пазырыкской группы, это фактически белое золото, добываемое в натуральном виде на Алтае из электрона, и сибирские золотые пластины (по крайней мере часть из них). Теперь, с новыми данными, вскрывшими во всей полноте высокую культуру племен Горного Алтая второй половины первого тысячелетия до н. э., и знаменитое петровское собрание «скифо-сибирского золота» находит свое место в общей истории народов великого Советского Союза.
